
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 61(571.53)(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.057

Материалы Иркутского истпарта как источник по истории здравоохранения в Восточной Сибири

Шаламов Владимир Александрович

доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Иркутский государственный университет.

Россия, г. Иркутск. ORCID: 0000-0002-9482-9543. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

Аннотация. В период установления советской власти в Сибири и гражданской войны был прерван процесс естественного документооборота. В результате перед исследователями возникает проблема поиска исторического источника, способного раскрыть сущность производившихся в это время преобразований, в том числе и в системе здравоохранения. В Иркутске в 1922–1937 гг. функционировало местное бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), которое производило сбор соответствующих материалов. В последующем эту работу вел Партийный архив Иркутской области. Значительную долю фонда составляют источники личного происхождения, преимущественно мини-воспоминания участников революции и гражданской войны. Они лучше всего подходят для заполнения информационной лакуны. В ходе исследования выяснилось, что почти в каждом втором из полутысячи воспоминаний имеется прямая или косвенная информация о здравоохранении или медицине (личная и общественная гигиена, санитарное состояние населенных пунктов, эпидемии, оказание медицинской помощи, санитарные дружины). Ценность материалов неодинакова. Подавляющая часть воспоминаний содержит незначительные факты. Применение их в обобщающих работах практически невозможно. Отдельные примеры могут использоваться для реконструкции некоторых локальных сюжетов. Около двух десятков воспоминаний красных сестер (Д. С. Попова, А. И. Телечкина, Е. С. Федорова, Р. В. Фурман) обладают особой ценностью. В них раскрываются подробности формирования большевистского Красного Креста в Иркутске, его участие в декабрьских боях 1917 г., особенности кадрового состава, характер санитарной работы, нарушение принципов деятельности международного Красного Креста и многое другое.

Ключевые слова: история здравоохранения, Истпарт, гражданская война, источниковедение, источник личного происхождения.

Во время гражданской войны в Восточной Сибири власть неоднократно переходила из рук в руки. Смена политических режимов сопровождалась нарушением естественного хода документооборота. Архивные материалы одних организаций погибли (Центросибирь), других – были растасованы по множеству архивохранилищ (Политцентр), третьих – сохранились в усеченном виде (военно-окружная, губернская, городская, переселенческая, земская администрации, большинство общественных и частных организаций). Данное обстоятельство сказывается, когда возникает необходимость написания исторических исследований, раскрывающих последовательную трансформацию государственной политики в различных сферах общества. Дефицит информации порождает пробелы в исторических трудах. Возникает проблема поиска источника, способного хотя бы частично преодолеть отсутствие нужных сведений.

Собирая материалы по истории здравоохранения, автор данных строк нашел неожиданное для себя решение. В сборнике воспоминаний ветеранов гражданской войны «Годы огневые, годы боевые», изданном в 1961 г. бывшим Партийным архивом Иркутского обкома КПСС (ныне – Центр документации новейшей истории – филиал ОГКУ «Государственный архив Иркутской области»), содержались мемуары Е. С. Федоровой [13, с. 45–55]. В годы гражданской войны она была красной сестрой и довольно подробно описала сущность своей рабо-

ты. При всех достоинствах ее воспоминаний они были слишком субъективными. Требовался более массовый источник, которым можно было верифицировать информацию. Однако сборник подтолкнул к идее ознакомиться с соответствующими фондами бывшего партархива, что и привело к знакомству с материалами Истпартархива.

После установления советской власти в России перед исторической наукой встали многочисленные задачи по пересмотру господствующих в историографии концепций. Необходимо было развить ленинские взгляды в единую концепцию, объясняющую все произошедшие революционные события, а также внедрить ее в массы. Для этого необходима была источниковая база, но в архивах зачастую имелись лишь документы, отражающие взгляд имперских властей или буржуазных правительств. Требовался принципиально другой источник. С этой целью 21 сентября 1920 г. при Наркомпросе была учреждена Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии, сокращенно – Истпарт. С декабря 1921 г. ее передали в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела, как орган руководства исторической наукой. В 1928 г. Истпарт был объединен с Институтом В. И. Ленина при ЦК партии. Сиббюро ЦК РКП(б) в 1921 г. организовало Сибирский историко-партийный отдел – Сибистпарт. Им руководил заведующий Сибирским архивом В. Д. Вегман [14, с. 76–84].

В Иркутске Истпартбюро было создано в 1922 г., но работа была эпизодической. В начале 1925 г. Иркутское бюро было преобразовано в Истпартотдел Иркутского губкома ВКП(б). Вся работа проводилась силами пяти сотрудников и немногих партийцев, работавших в порядке партийной нагрузки. Имелись периферийные уполномоченные в Усолье, Александровском, Нижнеудинске, Братске, Кабанске, Слюдянке, Танхое и Зиме [20, с. 175–176]. В связи с переходом к окружному делению, в 1928 г. окружные отделы Истпартархива были ликвидированы. На его месте был учрежден совет Истпартархива, функционировавший на общественных началах. После образования Восточно-Сибирского края в 1931 г. был создан Истпартотдел при крайкоме, а с 1937 г. – при обкоме партии. Подчинялся он Сибистпарту, Институту Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) и Иркутскому обкому партии [21, с. 47–48].

Истпарт был важнейшим центром по изучению Октябрьской революции. Он был первым научно-исследовательским учреждением в советскую эпоху [16, с. 557]. Истпарты на местах проводили огромную работу по сбору и систематизации документов по истории революционного движения. Создавались историко-революционные архивы, копировались материалы из архивных и музейных фондов, собирались документы и фотографии у государственных и общественных организаций, а также частных лиц. В силу того, что архивная база была сильно ограниченной, воспоминания становились почти единственными источниками, которые могли раскрыть конкретные исторические события. Истпарты стали проводить целенаправленную работу по выявлению носителей информации и записи воспоминаний. При сборе на авторов оказывалось определенное давление. Например, им предлагалось писать текст, опираясь на конспекты-минимумы, анкеты по истории Октябрьской революции и планы воспоминаний, что задавало некий шаблон, иллюстрирующий события с определенных политических позиций. К потенциальным авторам обращались с просьбой записать воспоминания, а если он был неграмотным, ему предлагали зайти в истпартотдел, где запись делали сами сотрудники. Иногда воспоминания обсуждались на собраниях участников революционных событий, являлись предметами дискуссий. Таким образом, истпарты способствовали появлению новых исторических источников [17, с. 468–473]. Истпарт издавал журналы «Бюллетень Истпартархива», «Красная летопись», «Летопись революции», «Пролетарская революция». Время от времени выходили сборники воспоминаний и документов [21, с. 46–50].

К 1930-м гг. истпарты начинают терять свою значимость. Интенсивность работы по сбору воспоминаний падает. В 1935 г. закрывается Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев [1, с. 9–26]. Тогда же прекращает свою деятельность Всесоюзное общество старых большевиков [16, с. 50–81]. Они вели сходную с истпартами работу по сбору, обработке и публикации воспоминаний о революции и гражданской войне. Однако отношение власти к подобной деятельности меняется. В стране вновь возрождается преподавание гражданской истории, потихоньку в оборот вводятся патриотические темы, меняются идеологические схемы, в которые революционный нарратив не всегда вписывался. Информация истпартов становится неудобной и ее значение принижается. В установках центра по вопросу о ценности воспоминаний говорилось, что они носят субъективный характер, поэтому не могут признаваться за полноценный источник в силу значительной путаницы, желания мемуаристов выгородить себя, наличия больших пробелов и заметных противоречий [18, с. 35–36].

Наконец, решением ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. Истпартотдел был закрыт. В Иркутске его функции были переданы Партийному архиву Иркутского обкома партии [18, л. 25]. Последние дела были датированы 1937 г. Однако история сбора воспоминаний участников революции и гражданской войны не остановилась. После Великой Отечественной войны, а особенно в конце 1950–60-х гг., в связи с очередными юбилеями партийный архив вновь активизировал прерванную деятельность.

Итак, фонд 300 «Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Иркутском обкоме ВКП(б) (Истпартотдел)» в единственной описи содержит 1049 единиц хранения. Дела фонда охватывают период с 1861 по 1937 гг. Внутри фонда не наблюдается хронологической последовательности. В комплексе рассматриваемых документов имеются материалы, характеризующие деятельность Истпарта. Здесь можно ознакомиться с циркулярами и директивами ЦК и Истпарта ВКП(б), указаниями и инструкциями института Маркса – Энгельса – Ленина, списками и анкетами уполномоченных Истпарта, перепиской с Истпартотделом ЦК, Сибистпартом, партийными и советскими органами, музеями, библиотеками, частными лицами. Также имеются отдельные статьи для местных газет и речи, посвященные памятным датам революций и гражданской войны, подготовленные сотрудниками Истпарта или партийного архива.

Фонд содержит немало материалов, извлеченных из Иркутского жандармского управления. В их числе донесения о демонстрациях, о настроениях населения, о революционном движении. Подлинные листовки, воззвания, прокламации, призывы, печатные издания различных политических партий. Кроме того, имеются описи газет и листовок (Голос труда, Искра, Освобождение, Пролетарий, Рабочая газета, Хлеб и воля и другие) Иркутского музея революции и Истпарта за 1902–1921 гг. Значимость изучаемой коллекции усиливается наличием подлинных документов и их копий о пребывании в ссылке и о деятельности таких известных личностей, как И. В. Джугашвили, М. В. Фрунзе, Н. К. Крупская, С. В. Косиор и других.

В целом материалы фонда дают представление о борьбе с имперской властью в Сибири в дореволюционный период, хотя в основном они представляют информацию о деятельности партий и групп левого спектра (социал-демократы, социал-революционеры, бундовцы, народники). Также в фонде широко представлены документы, позволяющие изучать события Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны и первых лет советской власти. Среди них можно отметить бумаги общественных организаций, съезды депутатов различных политических группировок, приказы, воззвания, объявления представителей различных политических режимов (демократического, советского, колчаковского), приказы Иркутского военно-революционного комитета, документы Губчека о борьбе с бандитизмом и так далее. В том числе содержится дело под названием «Опрос чрезвычайной следственной комиссии адмирала Колчака 6 февраля 1920 г.». Вместе с тем встречаются дела, по содержанию имеющие весьма далекое отношение к рассматриваемому фонду. Например, жалованная грамота русскому офицеру за подписью германского императора или послание епископа Николая к русским военнопленным в Японии (декабрь 1905 г.) [20, с. 177–179].

Фонд 393 «Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Иркутской области»» содержит в своей структуре 8 описей, в которых на 2004 г. насчитывалось 2380 единиц хранения (из них 94 относятся к личному составу). Сам архив существовал с 1931 г., но в фонде можно почерпнуть информацию и более раннего времени (конец XIX – начало XX в.). Основная масса материалов означенного фонда представлена внутренней документацией администрации архива. Имеется много сведений о научно-исследовательской и популяризаторской деятельности архивных работников. Здесь можно ознакомиться с материалами по подготовке сборников документов «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», «На Лене-реке», «Очерки истории Иркутской организации КПСС», статьями, подготовленными сотрудниками к памятным датам истории, авторефератами диссертаций, написанными с использованием документов архива. Кроме того, в фонд включена опись фотодокументов за 1894–2005 гг., насчитывающая 1210 единиц хранения [15, с. 290–291].

В числе распространенных материалов обоих фондов выделяются бумаги, которые можно отнести к источникам личного происхождения. Главным образом, это микровоспоминания свидетелей и участников Ленского расстрела 1912 г., о пребывании в ссылке известных революционеров, о трех революциях, об установлении советской власти, о гражданской войне, о деятельности партизанских отрядов, о советском строительстве в межвоенный пе-

риод, о Великой Отечественной войне. Структура каждого воспоминания уникальна. Тем не менее в большинстве случаев в воспоминаниях приводились: 1) основные биографические сведения, 2) описания мест развития событий, 3) различные эпизоды революционной, политической, боевой или общественной деятельности, 4) перечисление вклада авторов воспоминаний и их товарищей в дело революции, 5) описание бытовых морально-психологических условий жизни и деятельности, 6) размышления автора по поводу происшедших социально-политических событий [20, с. 177–179]. Преобладают пробольшевистские трактовки, хотя изредка можно встретить воспоминания эсеров и анархистов.

Комплекс воспоминаний дополняется другими документами личного происхождения. В делах можно обнаружить анкеты и автобиографии, иногда с фотографиями. Часто встречаются личные письма руководителям архива, газетные вырезки, тексты речей или выступлений перед коллективами. Изредка находят справки от различных инстанций, подтверждающие участие автора воспоминаний в тех или иных событиях, а также различного рода личные документы: мандаты, удостоверения личности, документы об образовании, наградные документы. Как правило, перечисленные материалы играют вспомогательную роль, подтверждая данные воспоминаний. Всего в двух фондах содержится около 500 дел с микровоспоминаниями. Подавляющая часть бумаг представлена подлинниками. Воспоминания по большей части написаны от руки чернилами на обычных тетрадных листках. Однако немалая их часть набрана на печатной машинке. В любом случае сами тексты являются прекрасным источником, раскрывающим уровень образования, специфику языка, характерные черты менталитета.

Нужно понимать, что информация о медицинской сфере отобразилась в материалах фондов случайным образом. Ее выявление занимает довольно много времени. В описях преобладают так называемые «глухие» заголовки дел. Длинные перечни фамилий авторов воспоминаний зачастую оказываются бесполезными, поскольку ничего не говорят исследователю. Более пространственные названия некоторых дел, например, «Воспоминания о борьбе за власть Советов в Сибири и документы о партийной и трудовой деятельности» также оказываются малоинформативными. Из названия не ясно, чем занимался автор текста и имеют ли воспоминания отношение к медицине. Приходится просматривать все дела фронтально, что сказывается на временных затратах. Прямое указание в названии на сферу деятельности мемуариста было обнаружено всего в двух случаях (Р. В. Фурман и А. И. Телечкина). Речь шла о большевистском Красном Кресте. В процессе работы обнаружилась интересная закономерность. Женские воспоминания чаще содержали искомую информацию, что в общем-то и неудивительно, учитывая гендерное распределение труда в дореволюционном обществе. Интересно, что не удалось найти ни одного свидетельства врача или фельдшера, обслуживавших в годы революции и гражданской войны воинские контингенты. Зато нашлось около десятка текстов, оставленных «красными сестрами».

Воспоминания охватывают в основном военные годы, поэтому едва ли не каждый текст имеет хотя бы отдаленную проекцию на медицинскую сферу. Здесь можно встретить подтверждения о массовых тифозных или простудных заболеваниях, ранениях, нарушениях правил личной гигиены и общественной санитарии. Как правило, информативность таких сообщений невелика. Не хватает массовости. Отдельные свидетельства лишь подтверждают известные факты, но использовать в научных целях такие тексты затруднительно.

Изредка встречаются резкие, крайне субъективные суждения, правдивость которых сложно проверить, но они отражают нарратив, свойственный изучаемой эпохе. Приведем пару примеров. М. Д. Касимова была участницей боев на Байкале у станции Мурино летом 1918 г. У нее есть такие строки: «... отступить некуда и только стоит санитарный поезд, в котором свирепствовали белые сестры, докалывая наших и выбрасывая их из санвагона в Байкал. Тут я и была взята в плен... Всего оказалось 55 человек, из них 5 женщин. Началась расправа... мы отправлены под конвоем в иркутскую тюрьму» [11, л. 3–4]. Эти воспоминания не могут использоваться для характеристики медпомощи во время указанных боев. Кроме данных воспоминаний нет упоминаний об убийствах раненых красногвардейцев. Однако отношение к своему противнику демонстрируется четко. Касимова демонизирует образ противника. Добивают раненых именно белые сестры, раненую отправляют под конвоем в тюрьму. При этом нет имен, данных, деталей. А ведь после победы антибольшевистские власти отпустили весь медперсонал из тюрем. Этот гуманный пример, видимо, не впечатлил автора.

Л. Д. Муллер, проезжая летом 1918 г. из Верхнеудинска в Троицкосавск вдоль Селенги, отмечал быт одного из красногвардейских отрядов: «... Тут же в их распоряжении было не-

сколько пароходов, вооруженных барж, причем две баржи были специально нагружены “живым товаром”. Эти женщины несли обязанности сестер милосердия, но главным образом состояли из лиц легкого поведения, всякого сброда...» [12, л. 7]. Данные строки свидетельствуют об обывательском мировоззрении Муллера. В дореволюционной России пребывание женщин в военной среде признавалось вредным с этической точки зрения. В революционный период с дисциплиной возникли проблемы. Однако не стоит целиком полагаться на объективность суждений автора. Заметим, что женщин стремились разместить отдельно. С какой целью? Очевидно, что для изоляции от мужского контингента. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов, что значительная часть женского состава отряда была связана родственными и дружескими узами с красногвардейцами. Сторонний наблюдатель мог неправильно понять действия незнакомых людей. Впрочем, и худшие предположения Муллера вполне могли произойти. Сам источник не способен дать исчерпывающий ответ, он отражает лишь мнение отдельно взятого человека, на которое спроецировался нарратив того времени.

Некоторые документы, напротив, позволяют уточнять некоторые важные моменты. Так, в тех же боях на Байкале летом 1918 г. пропали без вести подростки, сочувствующие большевикам, Исая (Александр) и Зинаида Бланковы. В одном из дел бывшая красная сестра А. Телечкина писала, что видела последний раз Исая в Мысовой. К воспоминанию приложена копия справки, выданной в июле 1924 г. отцу пропавших детей. Справку выдал заворготделом губпрофсовета Филипп Амосович Амосов, который был во время боев на Байкале полевым военно-санитарным инспектором Красной армии. Он сообщал, что Бланковы после отступления от Мысовой, недалеко от станции Посольская, попали в засаду белогвардейцев и были расстреляны. Через два дня их похоронили санитары Красной армии. Амосов утверждал, что может показать могилу, где они похоронены. Для нас это сообщение имеет особую ценность, поскольку ставит точку в этой истории, ведь санитарные потери фиксировались непосредственно военно-санитарным инспектором. Более того, во всех архивных документах значится только фамилия Амосова даже без инициалов. Справка открыла для нас его полное имя и отчество, а также дала зацепку для поиска информации о его дальнейшей судьбе [2, л. 2, 6].

Одним из трагических событий гражданской войны в Восточной Сибири обычно называют бои в Иркутске в декабре 1917 г. между юнкерами и казаками с одной стороны и сторонниками советской власти с другой. До настоящего времени было известно о существовании большевистского Красного Креста и участии в нем нескольких лиц. Нет данных о времени формирования, о структуре и управлении, лечебных учреждениях, подготовке персонала. Ответы на эти вопросы дают фонды Истпарта.

Активная участница этих событий А. И. Телечкина готовила к 40-летию революции книгу под названием «Большевистский Красный Крест», но завершить работу не успела. Ей удалось собрать данные на 40 участников этой организации. В одном из писем директору архива А. Я. Шапрановой она писала из Москвы: «20 ноября 1917 г. в Иркутске был организован 1-й отряд Красной гвардии, начальником которого был назначен Лебедев Сергей. Через несколько дней Иркутской партийной организацией большевиков Лебедеву Сергею было предложено организовать большевистский Красный Крест. Начальником большевистского Красного Креста была назначена Телечкина – Сухорослова А. И. ...» [4, л. 2]. Далее она сообщала, что изначально Красный Крест располагался при революционном штабе. Уже после боев, в апреле 1918 г., по распоряжению партийного комитета был создан Президиум Красного Креста из четырех человек. Его председателем стал И. Я. Толстой, погибший через несколько месяцев в боях на Байкале. Членами Президиума являлись В. А. Ремишевская, О. Н. Иогансон и А. И. Телечкина. Так выглядела система управления. Никаких документов от этой организации в архивах не сохранилось.

Красная сестра Р. В. Фурман вспоминала, что накануне боев в Иркутске она проходила обучение. Однако их не учили делать перевязки и оказывать первую помощь. Вместо этого они посещали занятия по стрельбе и изучению винтовки, из чего следует, что их изначально рассматривали в качестве своеобразного боевого резерва, а не в роли медработников [7, л. 1]. О формировании отрядов Красного Креста накануне боев также писала Д. С. Попова (Гурцевич). Она длительное время работала сиделкой в иркутских больницах. В 1916 г. она перебралась в Маньчжурию. Накануне декабрьских событий ей написала письмо Т. А. Лушникова, работавшая с ней сиделкой в Переселенческой больнице. В письме сообщалось о политическом саботаже медперсонала и начале формирования отрядов красных сестер. Это послужило основанием для поездки Д. С. Поповой в Иркутск [6, л. 4]. Об обучении она также ничего не со-

общает. Отсюда следует, что причин организации большевистского Красного Креста могло быть две. Во-первых, советская власть после Октябрьской революции столкнулась с сильнейшим саботажем медработников. В качестве выхода из кризиса привлекались лица из низших служащих, имевших отношение к медицине, а также сочувствующие большевикам фельдшеры и врачи. Во-вторых, установление советской власти в Москве в ноябре 1917 г. привело к жесткому сопротивлению и боевым действиям, в ходе которых погибло много людей. Вероятно, большевики предполагали нечто подобное в Иркутске, поэтому заранее готовились. Однако готовились они к боевым действиям. Медицинской составляющей практически не уделялось внимание. Чем было вызвано такое пренебрежение, остается загадкой.

Документы фонда Истпарта дают представление о том, каким образом формировались санитарные отряды. Об этом, например, писала Д. С. Попова. Она с самого начала оказалась в осажденном Белом Доме (бывшая резиденция генерал-губернатора). В нем не было никакого медицинского обеспечения. Тогда она с Т. А. Лушниковой решила раздобыть медикаменты в ближайшей больнице и организовать при ней санитарный отряд для помощи осажденным под флагом Красного Креста. Им удалось добыть все необходимое, включая лошадь, только в Детской больнице. Там же к ним присоединились две няни сестры Миля и Маруся Кровель, а чуть позднее сиделка Переселенческой больницы Валя Севостьянова. Им не удалось пробиться в Белый Дом, но они с успехом подбирали раненых на улицах города и отвозили их в близлежащие больницы [6, л. 5–6].

Красный Крест создавался как международная нейтральная организация, помогающая жертвам войн. Используя эту символику, большевики очень быстро дискредитировали идею нейтральной гуманитарной службы. Так, Р. В. Фурман писала: «...Кроме перевозок раненых и оказания первой помощи, мы перевозили по заданию штаба оружие, хлеб, свечи для Белого Дома. Большинство красногвардейцев Красного Креста проводили агитационную работу, разъясняли солдатам и красногвардейцам значение происходящих событий – борьбы за власть рабочих и крестьян. В то же время мы проводили работу разведчиков, связистов...» [7, л. 2]. Таким образом, они становились комбатантами. Вскоре отряды большевистского Красного Креста стали подвергаться обстрелам, чего и следовало ожидать. Об этом весьма эмоционально писал красногвардеец П. Д. Котельников, попавший с обозом Красного Креста под обстрел казаков [5, л. 3–4]. Недалеко от сгоревшего Второвского пассажа была ранена Р. В. Фурман [7, л. 3–4]. Их жалобы на фоне бравадения об обмане белогвардейцев выглядят совершенно неуместно. Так разрушалось доверие к нейтральным организациям.

В городе большевиками было организовано несколько перевязочных пунктов под флагом Красного Креста. Интересно, что и эти пункты они использовали в качестве прикрытия, что подтверждает предшествующий тезис. Красногвардеец А. Н. Шушаков так и утверждал, что штаб Красной гвардии перебрался в здание гимназии напротив телеграфа «под маскировку Красного Креста», который занял нижний этаж. Юнкера, приходящие за медпомощью, немедленно разоружались [8, л. 8, 11]. Р. В. Фурман отмечала, что вышеуказанный пункт возглавляла О. Иогансон. Однако первоначально штаб располагался во 2-м общественном собрании на Большой улице, но здание подверглось обстрелу и пришлось эвакуироваться. При этом пункт Красного Креста остался. Им руководила сестра Шварц [7, л. 1]. Т. А. Лушников упоминала перевязочный пункт при Переселенческом пункте, который был организован П. И. Гедымин-Тюдашевой и Рукавишниковым. Большую помощь оказал беспартийный доктор М. П. Герасимов [10, л. 6]. Д. С. Попова вспоминала, что раненых невозможно было перевязать на улице из-за сильных морозов, а в дома их не пускали. Вскоре она с подругой наметила несколько домов, занятых солдатами, куда и стали свозить пострадавших, где им и оказывалась первая помощь. Обморожений было очень много. Она отмечала, что приходилось едва ли не насильно заставлять солдат, возвращавшихся с караула, снимать обувь и сушить портянки, обертывать ноги газетной бумагой. Благодаря этим простым мерам число обморожений на ее участке было невелико. Кроме того, приходилось заниматься обеспечением хлебом и водой местных жителей, скрывавшихся в подвалах. Перевязочные пункты были временным пристанищем. От них раненых направляли, как правило, в Военный госпиталь или Переселенческую больницу [6, л. 5–6].

Д. С. Попова, между прочим, отмечает, что борьба продолжалась и в Военном госпитале, в котором она работала около года. В госпитале замечалось некоторое противодействие сестер милосердия, но в чем оно состояло, не описывается. Такие же полунамеки встречаются и в других текстах, что заставляет сомневаться в верности сообщения. И вот в воспоминаниях

Р. В. Фурман, которая, будучи раненой, провела в госпитале около 4-х месяцев, находим подробное описание. «Гражданская война продолжалась и в госпитале, но здесь она приняла другие формы. Сначала шли словесные перепалки красногвардейцев с юнкерами, а затем пошли в ход костыли и администрация госпиталя вынуждена была перевести юнкеров из общей палаты в другую», – писала она [7, л. 4]. Полный текст воспоминаний слишком велик для статьи, поэтому отметим лишь наиболее существенные моменты. Сестры милосердия избегали палаты, где размещались красногвардейцы. Их обслуживали военнопленные венгры. Сама Р. В. Фурман, когда смогла передвигаться, также включилась в работу. По ее словам, сестры милосердия часто собирались в палатах юнкеров, где слушали игру на гитаре или домре. В этом сообщении нет ничего удивительного. В числе сестер милосердия и соответственно юнкеров было немало выходцев из интеллигентных семей, из семей с достатком, в отличие от красногвардейцев, часто пополнявшихся из вчерашних каторжников и лиц с низким социальным статусом. Их предпочтения были закономерными. Примерно то же самое делали красные сестры. Так, она упоминает А. П. Холодову (Третьякову), которая ухаживала за красногвардейцами в госпитале. При этом отказала раненому в выдаче молока только на том основании, что он был юнкером. Хорошо бы эти воспоминания сопоставить с мемуарами противоположного лагеря, но к сожалению, таковых обнаружить не удалось. Воспоминания Р. В. Фурман на сегодняшний день являются единственным свидетельством о борьбе красных с белыми в больничных палатах Иркутского военного госпиталя.

Как осуществлялась медпомощь во время восстания Чехословацкого корпуса, оставалось под покровом неизвестности. Покров приоткрывают воспоминания Е. С. Федоровой. «Ольга Наумовна Иогансон организовала краткосрочные санитарные курсы из иркутянок. С их помощью ей удалось наладить обслуживание раненых, прибывавших с фронта. На нее же было возложено оборудование и отправление на фронт санитарных поездов, пополнение санитарных отрядов новыми силами. Агния Иннокентьевна Телечкина скомплектовала санитарные дружины и выехала с ними в распоряжение командующего фронтом С. Лазо [в Забайкалье]. Санитарную работу на Нижнеудинском фронте возглавляла старая большевичка Варвара Артемьевна Ремишевская. Вместе с ней выехали на фронт Мария Заболоцкая, Раиса Глокман, сестры Антонина и Александра Бабич» [9, л. 14]. В данном отрывке, кроме имен видных работников большевистского Красного Креста, нам интересно упоминание о краткосрочных курсах. Вероятно, реальные боестолкновения заставили задуматься о персонале, способном оказывать правильную первую медицинскую помощь. Интересно, что нет упоминаний лиц, имеющих специальное медицинское образование. Трудно представить санитарный поезд, способный поднимать до 500 человек раненых без врача или хотя бы фельдшера.

Имеются и другие мини-воспоминания участников гражданской войны, в которых сохранились важные сведения о постановке медпомощи в сибирских губерниях. Они дают представление об организации медпомощи в партизанских отрядах, способах получения медикаментов и перевязочного материала, оказании помощи узникам «поездов смерти», организации подпольных партийных ячеек в медицинских учреждениях в тылу Колчака.

Фонды Иркутского Истпарта за советский период аккумулировали около полутысячи дел с мини-воспоминаниями участников революционного движения и гражданской войны. Едва ли не в половине из них находятся прямые или косвенные данные, затрагивающие медицинскую сферу. Это санитарное состояние тюрем, гигиена различных категорий населения, эпидемии и способы защиты от них, обеспечение товарами медицинского назначения, способы эвакуации раненых, истязания людей, грабежи и насилия, санитарные поезда и дружины. Имеется возможность взаимной верификации этих источников. Определенным минусом является их мелкий масштаб (фрагментарность), что является препятствием для использования в обобщающих работах. Имеется набор текстов, благодаря которым удастся найти ответ на некоторые частные вопросы. В ходе работы с фондами было обнаружено около двух десятков мини-воспоминаний, которые позволяют с разной степенью детализации реконструировать работу медицинских служб при первой советской власти в Сибири, а также деятельность по оказанию медпомощи в партизанских отрядах и подпольных организациях в тылу Колчака. Среди недостатков этого источника наиболее существенным является отсутствие формализованных данных, свидетельствующих о масштабе и эффективности деятельности лиц и организаций медицинского профиля.

Список литературы

1. Васильева Н. Ф. Материалы архивных фондов Общества политкаторжан о сибирской ссылке // Сибирская ссылка : сб. научных статей. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 9–27.
2. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 300. Оп. 1. Д. 377.
3. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 20.
4. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 22.
5. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 52.
6. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 67.
7. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 76.
8. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 81.
9. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 300.
10. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 494.
11. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 656.
12. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 803.
13. Годы огневые, годы боевые : сб. воспоминаний / сост. Г. А. Вендрих, А. Я. Шапранова. Иркутск : Ирк. кн. изд-во, 1961. 303 с.
14. Горин С. Г. Сибистпарт и Сибистмол : взгляд на проблему (1920 – начало 1930-х гг.) // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 76–84.
15. Государственный архив новейшей истории Иркутской области : путеводитель. Иркутск : Оттиск, 2008. 661 с.
16. Дашинимаева М. Ю. Истпарт в системе советских научных учреждений // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : БГУЭП, 2008. С. 556–561.
17. Дряблова Е. Е. Роль губистпартов в развитии новейшей отечественной истории // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : мат-лы XIX Междунар. науч. конф. Иваново, 25–26 марта 2020. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2020. С. 468–473.
18. Клопихина В. С. У истоков отечественной устной истории (опыт работы истпартов Северного Кавказа по формированию корпуса источников личного происхождения) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 31–36.
19. Пивоваров Н. Ю. Из жизни «старой гвардии». Общество старых большевиков как опыт политической адаптации революционеров (1922–1935 гг.) // Россия XXI. 2018. № 1. С. 50–81.
20. Русак Н. Г. Обзор документов Истпарта на материалах фонда Государственного архива новейшей истории Иркутской области // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : мат-лы Всерос. науч.-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апр. 2020 г.). Иркутск : Оттиск, 2020. С. 174–181.
21. Шумилов А. И. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 46–50.

Materials of the Irkutsk Istpart as a source on the history of healthcare in Eastern Siberia

Shalamov Vladimir Alexandrovich

Doctor of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian History, Irkutsk State University. Russia, Irkutsk. ORCID: 0000-0002-9482-9543. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

Abstract. During the establishment of Soviet power in Siberia and the civil war, the process of natural document flow was interrupted. As a result, researchers are faced with the problem of finding a historical source that can reveal the essence of the transformations being carried out at that time, including in the health care system. In Irkutsk, in 1922–1937, the local bureau of the Commission on the History of the October Revolution and the Communist Party (Istpart) functioned, which collected relevant materials. Subsequently, this work was carried out by the Party Archive of the Irkutsk region. A significant share of the fund is made up of sources of personal origin, mainly mini-memoirs of participants in the revolution and the civil war. They are best suited to fill an information gap. The study revealed that almost every second of the half a thousand memories has direct or indirect information about health or medicine (personal and public hygiene, sanitary condition of settlements, epidemics, medical care, sanitary squads). The value of the materials varies. The vast majority of memories contain insignificant facts. Their application in generalizing works is almost impossible. Individual examples can be used to reconstruct some local plots. About two dozen memoirs of the red sisters (D. S. Popova, A. I. Telechkina, E. S. Fedorova, R. V. Furman) have a special value. They reveal the details of the formation of the Bolshevik Red Cross in Irkutsk, its participation in the December 1917 battles, the specifics of the personnel, the nature of sanitary work, violation of the principles of the International Red Cross and much more.

Keywords: history of healthcare, Istpart, civil war, source studies, source of personal origin.

References

1. Vasil'eva N. F. *Materialy arhivnyh fondov Obshchestva politkatorzhan o sibirskoj ssylke* [Materials of the archival funds of the Society of political prisoners about the Siberian exile] // *Sibirskaya ssylka : sb. nauchnyh statej* – Siberian exile : collection of scientific articles. Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2017. Pp. 9–27.
2. SAMHIR (State Archive of the modern history of the Irkutsk region). F. 300. Inv. 1. File 377.
3. SAMHIR. F. 393. Inv. 1. File 20.
4. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 22.
5. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 52.
6. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 67.
7. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 76.
8. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 81.
9. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 300.
10. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 494.
11. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 656.
12. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 803.
13. *Gody ognevye, gody boevye : sb. vospominanij* – The fire years, the fighting years : collection of memories / comp. G. A. Wendrich, A. Ya. Shapranova. Irkutsk : Irk. kn. publishing house, 1961. 303 p.
14. Gorin S. G. *Sibistpart i Sibistmol : vzglyad na problemu (1920 – nachalo 1930-h gg.)* [Sibistpart and Sibistmol : a look at the problem (1920 – early 1930s)] // *Sibirskij arhiv* – Siberian Archive. 2020. No. 1 (3). Pp. 76–84.
15. State Archive of the modern history of the Irkutsk region : a guide. Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2008. 661 p.
16. Dashinimaeva M. Yu. *Istpart v sisteme sovetskih nauchnyh uchrezhdenij* [Istpart in the system of Soviet scientific institutions] // *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* – Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk. BSUEP, 2008. Pp. 556–561.
17. Dryablova E. E. *Rol' gubistpartov v razvitiu novejshej otechestvennoj istorii* [The role of gubistparts in the development of modern national history] // *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov : mat-ly XIX Mezhdunar. nauch. konf. Ivanovo, 25–26 marta 2020* – State, society, church in the history of Russia of the XX–XXI centuries : materials of the XIX International Scientific Conference. Ivanovo, March 25–26, 2020. Ivanovo. Ivanovo State University. 2020. Pp. 468–473.
18. Klopikhina V. S. *U istokov otechestvennoj ustnoj istorii (opyt raboty istpartov Severnogo Kavkaza po formirovaniyu korpusa istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya)* [At the origins of Russian oral history (the experience of the North Caucasus historical experts in the formation of a corpus of sources of personal origin)] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* – Humanitarian and legal studies. 2014. No. 1. Pp. 31–36.
19. Pivovarov N. Yu. *Iz zhizni "staroj gvardii". Obshchestvo staryh bol'shevikov kak opyt politicheskoy adaptacii revolyucionerov (1922–1935 gg.)* [From the life of the "old guard". The society of old Bolsheviks as an experience of political adaptation of revolutionaries (1922–1935)] // *Rossiya XXI* – Russia XXI. 2018. No. 1. Pp. 50–81.
20. Rusak N. G. *Obzor dokumentov Istparta na materialah fonda Gosudarstvennogo arhiva novejshej istorii Irkutskoj oblasti* [Review of the documents of the Istpart based on the materials of the Fund of the State Archive of the modern history of the Irkutsk region] // *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost' : mat-ly Vseros. nauch.-teoret. konf., posvyashchennoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova (Irkutsk, 28 apr. 2020 g.)* – Siberia in a changing world. History and modernity : materials of the All-Russian scientific theory. A conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov (Irkutsk, April 28, 2020). Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2020. Pp. 174–181.
21. Shumilov A. I. *Izdaniya istpartov, istprofov i istmolov Sibiri* [Editions of istpartov, istprofov and istmolov of Siberia] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* – Humanities in Siberia. 2008. No. 3. Pp. 46–50.